УДК 1(091):316.624

Д. В. Яковчик
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД Республики Беларусь

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В ФИЛОСОФИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Личность преступника представляет собой многогранный феномен, выступая ключом к пониманию внутренней логики и мотивации преступного деяния. Как объект научного познания, она находится на стыке криминологии и психологии, изучающих комплекс социальных, психологических и биологических характеристик индивида, совершившего преступление. Исторические корни осмысления этого феномена уходят в глубокую древность, где философская мысль различных цивилизаций сформировала уникальные и в то же время обнаруживающие универсальные черты концепции.

Целью данной статьи является сравнительный анализ ключевых концепций личности преступника, сформированных в рамках основных философских традиций Древнего мира (античной Греции и Рима, конфуцианского Китая и древнеиндийской мысли), с акцентом на выявление как культурно-специфических особенностей, так и общих принципов понимания этиологии преступного поведения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания историко-философских истоков современных криминологических и психолого-правовых представлений о девиантной личности.

Философское осмысление личности преступника в древних цивилизациях представляло собой сложный синтез представлений о морали, праве, общественном устройстве, природе души и фундаментальных космических порядках. Анализ ключевых философских традиций позволяет выявить как уникальные культурные особенности, так и универсальные тенденции в понимании истоков преступного поведения.

Философия традиционно разделяется на западную и восточную. Согласно западной (античной), более целостной, преступник есть результат недолжного воспитания в совокупности с нарушением естественного закона, дарованного выше.

Исторически античная философия относится к досократиками. Платон объяснял преступное поведение личности не наследственностью или божественным промыслом, а исключительно воспитанием: «…добродетели учить можно… нет ничего удивительного, когда у хороших родителей бывают худые, а у худых хорошие дети» [1, с. 438]. Аналогичного мнения придерживались Демокрит, Диоген Синопский и Антисфен.

Преступление, согласно Аристотелю, возникает, когда низшие начала души — вожделеющее (эпитимия) и яростное (тимос) — подчиняют себе высшее разумное начало (Логос). Таким образом, преступник выступает как человек, не сумевший обрести внутреннюю справедливость и гармонию, что неизбежно проецируется на несправедливость по отношению к обществу. Среди причин вспыхивающих распрей Аристотель называет множество отрицательных человеческих качеств — наглость, жажду непомерного возвышения, страх, презрение, зависть, корыстолюбие, несправедливость тех, кто властвует. Поводами к таким вспышкам могут служить самые незначительные мелочи, скрупулезно перечисляемые философом [2, с. 23].

Римская философская мысль имеет схожие начала с греческой философией. Древнеримская философия (особенно в ее стоическом изводе (Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет)) рассматривала преступление сквозь призму нарушения универсального Естественного Закона (Логоса). Преступник становится таковым ввиду ошибок разума, из-за ложного суждения преступника, который ошибочно ставит внешние блага (богатство, власть, удовольствия) выше внутренней добродетели и разума. Все это, по мнению римлян, происходило ввиду неправильного воспитания и образования: «Будут убийцы, тираны, воры, любодейцы, грабители, святотатцы… все пороки, о которых шла речь, происходят от неблагодарной души, без которой едва ли возросло бы какое-нибудь крупное преступление» [3, с. 23]. Несмотря на признание силы страстей, стоики подчеркивали абсолютную ответственность индивида и его способность к контролю над ними посредством разума. Важным аспектом стоической этики было отношение к преступнику как к глубоко несчастному и заблуждающемуся человеку.

Древневосточная философия, несмотря на свою неоднородность в учениях и государственной представленности, предлагает, по сути, единую концепцию становления личности преступником.

Так, одной из основных категорий конфуцианства является небо, которое оценивается как первооснова, верховное начало и связывается с представлением о характере человека, его врожденных качествах, заложенных непосредственно небом [4, с. 61]. Преступность интерпретировалась как симптом глубокого упадка морали и забвения ритуала («ли»). Конфуций видел причину преступного поведения в отсутствии должного воспитания, не прививщего человеколюбия («жэнь») и чувства долга/справедливости («и»), а также в отсутствии добродетельного примера со стороны правителя. Преступник — продукт дисгармоничного общества, лишенного правильного порядка («исправления имен»). Соответственно, определенные личностные

характеристики, которые могли повлиять на становление преступника, по мнению приверженцев учения, могли даваться до рождения природой. Вместе с тем дальнейшее поведение человека зависело от его пути следования. Согласно конфуцианству, решающим фактором в изменении характера человека является воспитание, следование «женю» — проповеди гуманности — как определяющему звену в отношениях между людьми в обществе и семье [5, с. 115–116].

Философия Древней Индии предлагала теологически обоснованное понимание преступника. Преступление здесь почти всегда трактовалось как «нарушение дхармы», требующее в ряде случае соответствующего религиозного (ритуального) искупления. Это деяние рассматривалось как грех (папа), нарушающий не только социальные нормы, но и космический порядок (Рта). Ключевым элементом осмысления была концепция кармы: преступление порождает негативные последствия, обусловливающие страдания преступника как в текущей, так и в будущих жизнях. Наказание преследовало цели очищения, восстановления Дхармы и предотвращения новых нарушений [6, с. 290–291].

Проведенный анализ философских воззрений Древнего мира на личность преступника демонстрирует удивительную глубину и сложность осмысления данного феномена уже на заре человеческой мысли. Несмотря на культурное и концептуальное многообразие, античная (западная) и древневосточная традиции предложили объяснительные модели, в которых прослеживаются как уникальные, так и объединяющие черты. Античная традиция сфокусировалась на рационально-этической и психологической составляющих (заблуждение разума, дисгармония души, роль воспитания, ответственность воли), связывая преступление с нарушением Естественного закона. Восточная мысль сделала акцент на теолого-космологическом и ритуально-этическом аспектах (нарушение космического порядка — Дхармы/Рта, кармическое воздаяние, важность ритуала и следования пути), также признавая критическую роль воспитания и социального порядка. Объединяющим для обеих традиций стало восприятие преступления прежде всего как глубокого морального падения или нарушения фундаментального (естественного или божественного) порядка, а личности преступника — как заблудшего или дисгармоничного индивида, чье исправление или очищение являлось одной из главных целей наказания наряду с восстановлением социальной и космической гармонии. Эти древние идеи продолжают оказывать влияние на современные дискуссии об этиологии преступного поведения и природе криминальной личности.

Список основных источников

1. Философия буддизма : энцикл. / отв. ред. М. Т. Степанянц. М. : Вост. лит., ИФ РАН, 2011. 1045 с. Вернуться к статье

2. Бачинин В. А. Философия преступления: конспект лекций. СПб. : Михайлов, 2000. 63 с. Вернуться к статье

3. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вступ. ст., сост., подгот. текста В. В. Сапова. М. : Республика, 1995. 463 с. Вернуться к статье

4. Ваньли Л. Проблема отношений неба и человека в древнекитайской философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2018. № 1 (87). С. 61–64. Вернуться к статье

5. Авегисьян А. А. Очерки по истории религии и атеизма. Древний мир / отв. ред. В. Г. Антоненко. Киев : Изд-во АН УССР, 1960. 194 с. Вернуться к статье

6. Шинкаренко К. И. Влияние религиозных концепций на формирование классического индусского права в Древней Индии // Молодой ученый. 2024. № 47 (546). С. 288–292. Вернуться к статье